

Живет в г. Великий Устюг (Россия).

1.

Продам родительский очаг, нехитрый скарб раздам по вещи.
Лекарство выпив натошак, сорвусь туда, где море плещет.
Там в ноябре под двадцать пять, там люди в ярком кормят чаек.
Там страсть не держат на цепях и виноградным привечают.

А здесь печурка внедогляд, роняя головню на щепки,
нет-нет да треснет, коль палят одну берёзу в холод крепкий.
И ты сидишь себе, следишь, - сомлев лицом, - за огоньками,
колени обхватив руками... И никуда не убежишь, -
не пустит под порогом камень. Его мой дед ещё, кажись...

...Какая ни на есть, а жизнь, - дарованная стариками...

* * *

О чём ты думаешь с утра, готовый к осени кромешной?
О том ли как декабрь промешкал с зимой, что нынче не шуфра?
Земная, тоже не безгрешна и тоже хнычет от утрат...

А помнишь первый снег слетел, как сала шмат на сковородку?!

Да, мало... и, скорей, на откуп, чем в завершение бранных дел.
И было влажно подбородку, и было всё как ты хотел...

Нашлась газета под селёдку, тост величавый, словно снег.
Дышалось спиртом, - пили водку до дна, и чтобы без помех
успех явился к нам простецкий с деньгами и с грядущим днём.
Смеялся в телике Жванецкий. Мы хлопотали над огнём.
Печь с дымом долго разгоралась, (примета верная – к гостям)
я неумело матюгалась. Дрова (судили по гвоздям)
от сруба старого не грели, - зато горели, так горели!
Ладонь болела от ножа. Щепать лучину не спеша,
меня учила в детстве мама. Тогда - наивна и упряма,
теперь – прилежна и мудра, - я всё же отворила раму,
и снег к нам падал до утра...

2.

Последний лист – не самый совершенный, (никто не знает, видит ли он сны).
В своём раздумье он повис мишенью для времени неведомой длины.
Он весь в морщинах от дождя и ветра. Последний лист давно уже не жёлт.
Он – дирижёра чуткая манжета. Он – близость жеста. Он вот-вот зажжёт
полёт зимы!.. Но пленником движенья зажат в скрижалях колеса времён.
Он замер в ожиданье дуновенья волшебной музыки бездумных шестерён.

* * *

Белёсый свет на дюнах от луны. Два светлячка - сиянье ярче шёлка –
как водится в июне, - влюблены. И тщится шепелявая иголка
к прибою приторочить галуны. Прилипли к телу джинсы и футболка,
планктон не в силах бездну превозмочь. С ним чудится - морская кофемолка
и нас с тобой перемолоть не прочь!

И снова слева солнца тихий блеск. Разбросаны прозрачные медузы.
День. Новый день из черноты воскрес, тем укрепил наличие союза.
Подобно тени, долог интерес - подробно изучать следы от шторма.
И каждый новый безмятежный всплеск соединяет содержание с формой.

В сплошном смешенье моря и песка с вкраплением солнца в каждой из песчинок
смешно лишенье, призрачна тоска. Волна к волне, - их жажда беспричинна.
Завидна даже участь пятака - для глаз твоих - в карманах щедрой смерти.
Да это всё потом!.. Ну, а пока ни сил ошибки править, ни усердия.

3.

Отведи меня, улица, на заглохший пустырь. Там на травы невхожие, как стена в
монастырь, -

Виноградова Евленья. "И впору показаться солнцу!"

Автор: Оргкомитет
06.10.2012 22:27

жёлто-жухлые, вялые, под снега обречённые, - упаду я усталая, октябрём удручённая.
Волновалась вопросами под цветущими вишнями: прихожанка? послушница? непутёвая?
лишняя?

А назад-то как хочется! Да, боюсь, не назад. И во снах всё бормочется про невиданный сад.

Льют там травы нетленные ту же самую песнь? Мой пустырь, друг смиренный мой,
может, сад этот есть?

* * *

Тревожно я гляжу за окна, - жду жертвенно-погожих дней.

Заря, похоже, всё жадней мне дышит в чуть живые стёкла.

Но вот залечен снегом ров и непривычно день подсвечен.

Октябрь-законник строг и вечен: четырнадцатый день – "Покров".

Мой цельсий поубавил росту, с акаций лист летит в прицел
на цоколь белый. Иней цел. Ещё терпенья бы морозцу!

Чеканит звонко конский цок, а эхо катится в висок.

И впору показаться солнцу!

Страницы автора в Сети:

[Стихи.Ру](#)
[Стихи.Ру](#)
[Стихи.Ру](#)